

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1
СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

Максим Горький

**Заключительная речь на I
Всесоюзном съезде советских
писателей 1 сентября 1934 года**

«Public Domain»

1934

Горький М. А.

Заключительная речь на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года / М. А. Горький — «Public Domain», 1934

«Итак – первый всеобщий съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик и областей кончил свою работу. Работа эта оказалась настолько значительной и разнообразной, что сейчас, в заключительном слове, я могу только внешне очертить её глубокий смысл, могу отметить только наиболее существенное из того, что ею обнаружено. До съезда и в начале его некоторые и даже, кажется, многие литераторы не понимали смысла организации съезда...»

© Горький М. А., 1934

© Public Domain, 1934

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Максим Горький

Заключительная речь на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года

1

Итак – первый всеобщий съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик и областей кончил свою работу. Работа эта оказалась настолько значительной и разнообразной, что сейчас, в заключительном слове, я могу только внешне очертить её глубокий смысл, могу отметить только наиболее существенное из того, что ею обнаружено. До съезда и в начале его некоторые и даже, кажется, многие литераторы не понимали смысла организации съезда. «Зачем он? – спрашивали эти люди. – Поговорим, разойдёмся, и всё останется таким, как было». Это – очень странные люди, и на съезде их справедливо назвали равнодушными. Глаза их видят, что в нашей действительности кое-что ещё остаётся «таким, как было», но равнодушию их не доступно сознание, что остаётся лишь потому, что у пролетариата, хозяина страны, не хватает времени окончательно разрушить, уничтожить эти остатки. Эти люди вполне удовлетворены тем, что уже сделано, что помогло им выдвинуться вперёд, на удобные позиции, и что укрепило их природное равнодушие индивидуалистов. Они не понимают, что все мы – очень маленькие люди в сравнении с тем великим, что совершается в мире, не понимают, что мы живём и работаем в начале первого акта последней трагедии трудового человечества. Они уже привыкли жить без чувства гордости смыслом личного бытия, и заботятся только о том, чтоб сохранить тусклую светлость, тусклое сиятельство своих маленьких, плохо отшлифованных талантов. Им непонятно, что смысл личного бытия – в том, чтобы углублять и расширять смысл бытия многомиллионных масс трудового человечества. Но вот эти миллионные массы прислали на съезд своих представителей: рабочих различных областей производства, изобретателей, колхозников, пионеров. Перед литераторами Союза Социалистических Советов встала вся страна, – встала и предъявила к ним – к их дарованиям, к работе их – высокие требования. Эти люди – великое настоящее и будущее Страны Советов.

Прерывая наши беседы,
Блеском невиданных дел слепя,
Они приносили свои победы —
Хлеб, самолёты, металл – себя, —
Себя они приносили как тему,
Как свою работу, любовь, жизнь.
И каждый из них звучал, как поэма,
Потому что в каждом гремел большевизм.

Сырые, поспешно сделанные строки стихов Виктора Гусева правильно отмечают смысл события: ещё раз победоносно прогремел гром большевизма, коренного преобразова-

¹ Впервые напечатано в газетах «Правда», 1934, номер 242 от 2 сентября, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1934, номер 206 от 2 сентября, «Литературная газета», 1934, номер 117 от 2 сентября, и «Литературный Ленинград», 1934, номер 45 от 3 сентября, а также в изданиях: «Первый всесоюзный съезд советских писателей», Стенографический отчёт, М. 1934; М. Горький, Советская литература, Гослитиздат, М. 1934. // Включалось во второе и третье издания сборника статей М. Горького «О литературе». // Печатается с незначительным сокращением по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописями и машинописями (Архив А. М. Горького).

теля мира и предвестника грозных событий во всём мире. В чём вижу я победу большевизма на съезде писателей? В том, что те из них, которые считались беспартийными, «колеблющимися», признали, — с искренностью, в полноте которой я не смею сомневаться, — признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом. Я высоко ценю эту победу, ибо я, литератор, по себе знаю, как своевольны мысль и чувство литератора, который пытается найти свободу творчества вне строгих указаний истории, вне её основной, организующей идеи. Отклонения от математически прямой линии, выработанной кровавой историей трудового человечества и ярко освещённой учением, которое устанавливает, что мир может быть изменён только пролетариатом и только посредством революционного удара, а затем посредством социалистически организованного труда рабочих и крестьян, — отклонения от математически прямой объясняются тем, что наши эмоции — старше нашего интеллекта, тем, что в наших эмоциях много унаследованного и это наследство враждебно противоречит показаниям разума. Мы родились в обществе классовом, где каждому необходимо защищаться против всех, и многие входят в бесклассовое общество людьми, из которых вытравлено доверие друг к другу, у которых вековой борьбой за удобное место в жизни убито чувство уважения и любви к трудовому человечеству, творцу всех ценностей. У нас не хватает искренности, необходимой для самокритики, мы показываем слишком много мелкой мещанской злости, когда критикуем друг друга. Нам всё ещё кажется, что мы критикуем конкурента на наш кусок хлеба, а не товарища по работе, которая принимает всё более глубокое значение возбудителя всех лучших революционных сил мира. Мы, литераторы, работники искусства наиболее индивидуального, ошибаемся, считая наш опыт единичной собственностью, тогда как он — внушение действительности и — в прошлом — очень тяжёлый дар её. В прошлом, товарищи, ибо все мы уже видели и видим, что новая действительность, творимая партией большевиков, воплощающей разум и волю масс, — новая действительность предлагает нам дар прекрасный — небывалый дар интеллектуального цветения многих миллионов рабочего люда. Я напому замечательную речь Всеволода Иванова, речь эта должна остаться в нашей памяти как образец искренней самокритики художника, мыслящего политически. Такого же внимания заслуживают речи Ю. Олеши, Л. Сейфуллиной и многих других. Года два тому назад Иосиф Сталин, заботясь о повышении качества литературы, сказал писателям-коммунистам: «Учитесь писать у беспартийных». Не говоря о том, научились ли чему-либо коммунисты у художников беспартийных, я должен отметить, что беспартийные неплохо научились думать у пролетариата. (Аплодисменты.)

Однажды в припадке похмельного пессимизма Леонид Андреев сказал: «Кондитер — счастливее писателя, он знает, что пирожное любят дети и барышни. А писатель — плохой человек, который делает хорошее дело, не зная для кого и сомневаясь, что это дело вообще нужно. Именно поэтому у большинства писателей нет желания обрадовать кого-то, и хочется всех обидеть». Литераторы Союза Советских Социалистических Республик видят, для кого они работают. Читатель сам приходит к ним, читатель называет их «инженерами душ» и требует, чтоб они организовали простыми словами в хороших, правдивых образах его ощущения, чувствования, мысли, героическую его работу. Такого плотного, непосредственного единения читателя с писателем никогда, нигде не было, и в этом факте — трудность, которую мы должны преодолеть, но в этом факте наше счастье, которое мы ещё не научились ценить. Так же, как и культуры братских нам республик, национальные по формам, остаются и должны быть социалистическими по существу, — наше творчество должно остаться индивидуальным по формам и быть социалистически ленинским по смыслу его основной, руководящей идеи. Смысл этот — освобождение людей от пережитков прошлого, от внушения преступной и искажающей мысль и чувство классовой истории, — истории, воспитывающей людей труда — рабами, интеллигентов — двоедушными или равнодушными, анархистами или ренегатами, скептиками и критиками или же примирителями непримиримого. В конце кон-

цов съезд даёт право надеяться, что отныне понятие «беспартийный литератор» останется только формальным понятием, внутренне же каждый из нас почувствует себя действительным членом ленинской партии, так прекрасно и своевременно доказавшей своё доверие к чести и работе литераторов беспартийных разрешением всесоюзного съезда.

На этом съезде нами выданы многомиллионному читателю и правительству большие векселя, и, разумеется, теперь мы обязаны оплатить векселя честной, добротной работой. Мы сделаем это, если не забудем подсказанное нам выступлениями наших читателей – и в их числе детей наших, – не забудем, как огромно значение литературы в нашей стране, какие разнообразно высокие требования предъявлены нам. Мы не забудем этого, если немедленно истребим в своей среде все остатки групповых отношений, – отношений, которые смешно и противно похожи на борьбу московских бояр за местничество – за места в боярской думе и на пирах царя ближе к нему. Нам следует хорошо помнить умные слова товарища Сейфуллиной, которая правильно сказала, что «нас слишком скоро и охотно сделали писателями». И не нужно забывать указания товарища Накорякова, что за 1928–1931 годы мы дали 75 процентов книг, не имеющих права на вторые издания, то есть очень плохих книг. «Вы понимаете, сколько же мы издавали лишнего, сколько лишних затрат сделали, не только материальных, но и духовных затрат нашего народа, наших творцов социализма, которые читали серую, плохую, а иногда и халтурную книгу. Это не только ошибка писательского коллектива, но это также одна из грубейших ошибок издательского дела». Конец последней фразы товарища Накорякова я считаю слишком мягким и любезным.

Всем, что сказано, я обращался к литераторам всего съезда и, значит, – к представителям братских республик. У меня нет никаких причин и желаний выделять их на особое место, ибо они работают не только каждый на свой народ, но каждый – на все народы Союза Социалистических Республик и автономных областей. История возлагает на них такую же ответственность за их работу, как и на русских. По недостатку времени я мало читаю книг, написанных литераторами союзных республик, но и то малое, что прочитано мною, внушает мне твёрдую уверенность, что скоро мы получим от них книги, замечательные по новизне материала и по силе изображения. Разрешите напомнить, что количество народа не влияет на качество талантов. Маленькая Норвегия создала огромные фигуры Гамсуна, Ибсена. У евреев недавно умер почти гениальный поэт Бялик и был исключительно талантливый сатирик и юморист Шолом Алейхем, латыши создали мощного поэта Райниса, Финляндия – Эйно-Лейно, – нет такой маленькой страны, которая не давала бы великих художников слова. Я назвал только крупнейших и далеко не всех, и я назвал писателей, родившихся в условиях капиталистического общества. В республиках народов, братских нам, писатели рождаются от пролетариата, а на примере нашей страны мы видим, каких, талантливых детей создал пролетариат в краткий срок и как непрерывно он создаёт их. Но я обращаюсь с дружеским советом, который можно понять и как просьбу, к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии. На меня, и – я знаю – не только на меня, произвёл потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочёл их. (Аплодисменты.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.